

Возвращение Бортникова

Спектакль «Братья и Лиза» во многих отношениях должен был стать театральным событием, выходящим за рамки малой сцены Театра Моссовета.

Во-первых, это современная пьеса про нашу жизнь, что большая редкость в нынешнем репертуаре, причем ее автор Алексей Казанцев — едва ли не единственный действующий драматург из некогда знаменитой «новой» волны. Во-вторых, одну из главных ролей в ней сыграл кумир семидесятых Геннадий Бортников, долгие годы не появлявшийся на подмостках родного театра. Поставил «Братьев и Лизу» Евгений Лазарев, отважно бросившийся разгадывать непростые перипетии сюжета.

Жизнь сегодня по большей части тяжела, запутанна и непредсказуема — такова и пьеса. Скрываясь от домогательств собственного отца, юная Лиза случайно оказывается в «старом доме» (название пьесы Казанцева, некогда принесшей ему славу). Теперь там живут два брата, один из которых — сильно пьющий художник, а другой — душевнобольной, существующий в придуманной им самим реальности, где жива мама, прекрасны летние грозы и вообще люди любят друг друга. Надо

Геннадий Бортников в спектакле «Братья и Лиза»

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

ли говорить, что бредовый мир оказывается симпатичнее настоящего — на эти простые сигналы сочувствия и сострадания охотно откликается Лиза, а за ней и зал, и тем обиднее, что во втором действии их обоих совершенно сбивают с толку, навязывая милому сумасшедшему Симону абсолютно не свойственные ему роли. Но со всей этой путаницей, и в самом деле похожей на нашу повседневность, легко смириться, потому что на сцене — большой артист, один из лучших героев-романтиков уходящего века.

Притягательная сила таких актеров, как Геннадий Бортников, никуда не исчезает, даже если они десятилетиями не выходят на сцену. Когда-то, чтобы попасть на спектакль «Глазами клоуна» с его участием, надо было неделю подряд отмечаться в очереди за билетами. Прекрасный мальчик в поисках счастья, неземной герой с завораживающей пластикой и удивительным голосом, с необычайной внутренней чистотой — таким он запомнился по спектаклям театра Юрия

Завадского, обожавшего своего актера. Должно быть, именно Завадский, ученик Вахтангова, муж Улановой и большой знаток балета, привил ему эту уходящую на глазах пластическую культуру, научил музыку жеста, которой в истории российской сцены владел только он сам, несравненный Калаф из «Принцессы Турандот», да еще, может быть, Николай Церетели в Камерном театре у Таирова. Судьбы таких актеров по большей части трагичны — они не могут, как их партнерши-актрисы, перейти на возрастные роли, их по-прежнему юные голоса никак не вяжутся с изменившимся облик и теми новыми персонажами, кого им полагается играть. Перехода в новое сценическое амплуа не вышло и у Бортникова, он так и остался вечным героем романа Генриха Белля, который благодаря ему был особенно популярен в России, и здесь подлинная драма, боль, неизбежно прорывающаяся в каждой его реплике и каждой мизансцене.

Очевидно, еще и поэтому его пугающий своими выходками Симон, то появляющийся в женском платье, то воображающий себя президентом, а то блестяще пародирующий телефонную болтовню престарелого слетника-балетомана, получился куда интереснее брата Петра (Андрей Сергеев) и влюбленной в него Лизы (Эльвира Болгова). У Бортникова по-прежнему неповторимые голос и руки — в одном его жесте столько театра, что хватит на три премьеры. Впрочем, что есть театр — запутанная словесная вязь современной драматургии, режиссерская разгадка этой шарady или просто магия знаменитого артиста, — каждый решает сам для себя.

Нина АГИШЕВА